

Была в сети недавно.

Часть 1

Ирма Лиз

Ирма Лиз

Была в сети недавно. Часть 1

«Автор»

2026

Лиз И.

Была в сети недавно. Часть 1 / И. Лиз — «Автор», 2026

Ирине Белкиной сорок три. Она финансовый директор глянцевого журнала, у неё своя квартира на Плющихе, взрослая дочь, рыжий кот, который её презирает, и бывший муж, ушедший к нутрициологу. Мужчин в её жизни больше не будет, это решено и подписано. Но в день рождения лучшая подруга, трижды разведённая и неисправимо счастливая Тамара, хозяйка сети салонов красоты, после второй бутылки регистрирует её на сайте знакомств «ЛюбовьЕсть». Наутро у Ирины восемьдесят шесть сообщений, и ни одного без слова «красавица». Впереди рыбаки, капитаны чужих яхт, «предприниматели», вдовцы, мамины советы, дочкины лекции про красные флаги и бывший муж в соседней анкете. А ещё загадочный Сергей, 56, без фото, с маяком на аватарке, который пишет так, что хочется отвечать до трёх ночи. Иронично, узнаваемо и очень по-нашему. Роман для всех, кто хоть раз заполнял графу «О себе» и не знал, что написать.

© Лиз И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Сорок три и один свайп	5
Фотосессия	7
Анкета	8
Соседи	9
«Опубликовать»	10
Глава 2. Входящие	11
Редакция	13
Реестр	14
Маяк	15
Глава 3. Лебедь	16
Концепция	18
Маяк, второй день	19
Кассиопея	20
Лебеди	21
Символ верности	22
Обложка	23
Разбор входящих	24
Объяснительная в Excel	25
Старые песни	27
Шестой день	28
Глава 4. Валерий, 58, без вредных привычек	29
Подготовка	31
Встреча	32
Беседа	33
Счёт	34
Лифт	35
Вечер	36
Глава 5. Комиссия по делам Ирины	37
Заседание	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ирма Лиз

Была в сети недавно. Часть 1

Глава 1. Сорок три и один свайп

В сорок три года Ирина Белкина знала наверняка три вещи. Первое: креативный отдел потратит любой бюджет, даже если выдать ему бюджет небольшой страны. Второе: кот Маркиз её не любит, а терпит как неизбежное зло с доступом к холодильнику. Третье: мужчин в её жизни больше не будет.

Первые два пункта подтверждались ежедневно. Третий продержался до половины одиннадцатого вечера её дня рождения.

– За тебя, Ирка! – Тамара подняла бокал так, что игристое плеснуло на «Мимозу». – Чтобы в сорок три ты выглядела на тридцать, а чувствовала себя на двадцать пять!

– Я себя чувствую на семьдесят, – сказала Ирина. – У меня с утра квартальный отчёт и колено.

– Вот! – Тамара ткнула в неё вилкой. – Вот поэтому ты одна.

– Я одна, потому что Олег ушёл к нутрициологу.

– Олег ушёл, потому что дурак. Это разные вещи.

Лариса Викторовна, главный бухгалтер журнала, шестидесяти лет и твёрдых пессимистических убеждений, вздохнула над «Наполеоном» из «Пушкина»:

– Нутрициолог – это кто вообще?

– Это женщина, которая говорит тебе, что ты ешь неправильно, и берёт за это восемь тысяч, – объяснила Тамара. – Раньше это называлось «свекровь» и было бесплатно.

Дочь Соня, двадцати двух лет, заскочила на час, подарила маме сертификат на массаж «для расслабления лица» и уехала к своему Тимуру, сказав в дверях: «Мам, ты главное не грусти. Ты у меня ещё вполне». Ирина потом минут десять думала, что значит «вполне». Как йогурт, у которого срок годности завтра, но пока «вполне».

Мама позвонила в девять. Галина Петровна, семьдесят лет, Подольск, поздравляла всегда одинаково: сначала здоровья, потом счастья, потом напоминала, что в Ириныны годы она уже нянчила внука и ни разу не была разведённой.

– Мам, ты была замужем за папой, который сорок лет молчал и чинил «Москвич».

– Зато не ушёл ни к какому нутри... нутриционисту!

– Ему некуда было уходить, мам. «Москвич» не заводился.

К половине одиннадцатого Лариса Викторовна уехала, забрав с собой половину «Наполеона» «для давления». На кухне остались Ирина, Тамара, вторая бутылка и Маркиз, который сидел на подоконнике и смотрел на них, как смотрит пенсионер из окна на подростков у подъезда.

Тамара достала телефон. Ирина знала это движение. Так Тамара доставала телефон, когда собиралась записать её к своему косметологу, или к своему остеопату, или к своему «гениальному» мастеру по бровям, после которого Ирина две недели ходила с выражением лица «удивлена налоговой проверкой».

– Нет, – сказала Ирина.

– Я ещё ничего не сказала.

– Ты достала телефон. Это уже «нет».

– Сегодня мы тебя регистрируем.

– Где?

- На сайте. – Тамара развернула экран. На нём алело сердечко, внутри которого была вилка. – «ЛюбовьЕсть».
- Это что, столовая?
- Это лучший сайт знакомств для взрослых людей. Я там познакомилась с Арсеном.
- С Арсеном, который оказался женат?
- С Арсеном, который подарил мне шубу, а потом оказался женат. Ты главное ухватила, а не детали.

Фотосессия

Со снимками было плохо. В Ириной галерее лежали: скриншоты сметы на съёмки (на случай, если арт-директор опять скажет, что «оно само так вышло»), сорок семь фотографий Маркиза, двенадцать скриншотов рецептов, которые она никогда не приготовит, и Олег. Олег был везде. Олег на шашлыках, Олег в Турции, Олег в Анапе с арбузом.

– Обрежем, – решительно сказала Тамара.

Они обрезали. На турецком фото от Олега осталась рука на Ириной талии. Рука была волосатая и узнаваемая.

– Выглядит, будто тебя держит снежный человек, – признала Тамара. – Дальше.

Корпоратив 2019 года: Ирина в заячьих ушках. Дача у мамы: Ирина с тяткой и лицом человека, который сейчас кого-то тяпнет. Выпускной Сони: Ирина плачет. Отпуск в Кисловодске: Ирина в нарзанной галерее с кружкой, похожей на маленький чайник, и на её лице такое блаженство, что фото можно было вешать в рекламу слабительного.

– Короче, – сказала Тамара, – снимаем сейчас.

– Я пила.

– Отлично, у тебя глаза блестят. Встань к лампе. Нет, лампа сверху. Подбородок вперёд. Ещё вперёд. Не как черепаха! Как женщина! Глаза шире. Шире! Представь, что в ЦУМе скидка семьдесят процентов на «Ла Мер».

Ирина пользовалась «Ла Мер» и точно знала, что скидок на него не бывает в природе. Поэтому удивилась совершенно искренне.

Тамара щёлкала минут пятнадцать. Из ста двадцати кадров на ста восемнадцати Ирина выглядела как женщина, которую фотографируют против её воли. На одном моргнула. И на одном получилась живой. Случайно: Маркиз прыгнул со стола и уронил салатницу, а Ирина засмеялась. Растрёпанной, с ямочкой на щеке, которую она сама не видала лет пять, и с какой-то хулиганской искрой в глазах.

– Вот, – сказала Тамара тихо, без шуток. – Вот это ты.

Анкета

– Возраст, – диктовала Тамара. – Пишем тридцать девять.
– Сорок три.
– Ира. Мужчины выставляют фильтр «до сорока». Ты просто выпадешь из выдачи!
– А потом что? Я приду на свидание и скажу: «Сюрприз, я старше на четыре года, но у меня отличный трудовой стаж»?

– Потом он уже тебя увидит и забудет, как цифры выглядят.

– Я финансовый директор, Тома. Я не умею забывать, как выглядят цифры. Сорок три. Тамара фыркнула, но вписала.

«Цель знакомства». Варианты: серьёзные отношения, дружба, общение, встречи без обязательств. Тамара отметила все четыре.

– Тома!

– Что? Расширяем воронку! Это маркетинг.

Ирина отобрала телефон и оставила одну галочку. Потом, подумав, добавила «общение». Потому что «серьёзные отношения» звучали слишком громко, а общаться ей хотелось. Последние три года она общалась в основном с Маркизом, а Маркиз не отвечал. Только иногда смотрел так, что становилось стыдно.

Дошли до «О себе». Ирина набрала: «Работаю. Есть кот».

Тамара посмотрела на неё как на человека, который пришёл на свадьбу в тренировочных штанах.

– Это не анкета. Это объяснительная.

Тамара забрала телефон и начала печатать сама, проговаривая вслух:

– «Нежная, женственная, с богатым внутренним миром. Люблю путешествия, закаты и жизнь во всех её проявлениях. Ищу настоящего мужчину, рядом с которым можно быть слабой...»

– Тома, я в прошлом месяце сама уволила арт-директора.

– «...но могу быть и сильной».

– И я не люблю закаты. Закат – это значит, день кончился, а отчёт не сдан.

В итоге они написали вместе. Вернее, Ирина написала, а Тамара минут пять стонала, держась за сердце:

«Финансовый директор. Умею считать, поэтому в чудеса не верю, но допускаю погрешность. Люблю книги, море и мужчин, которые чинят кран раньше, чем я вызову мастера. Женатым, фото с рыбой и „привет красавица“ проходить мимо. Кот прилагается, он против».

– С рыбой – это ты зря, – сказала Тамара. – У нас половина Москвы с рыбой. Ты отсекаешь целый пласт.

– Пусть пласт идёт к рыбе.

Соседи

Тамара вышла на лоджию с бокалом, и Ирина вышла с ней подышать. Октябрь стоял сырой. Дом напротив светился окнами, как витрина на Петровке. Квартиру на Плющихе они с Олегом когда-то брали в ипотеку, а после развода Ирина выплатила её сама, досрочно, и до сих пор иногда гладила подоконник, как кошку. Лоджии на восьмом этаже разделяла только тонкая перегородка из матового стекла, и Маркиз давно считал эту перегородку условностью.

– Ты знаешь, в чём твоя проблема? – сказала Тамара, покачивая бокалом. – Ты думаешь, что любовь надо заслужить. Как премию. Отчёт сдал – получи. А любовь, Ирка, это как последний твой размер на распродаже в ЦУМе: достаётся той, кто оказалась рядом.

– Значит, надо почаще стоять рядом с вешалкой, – хмыкнула Ирина.

И они заржали. Обе. По-девчачьи, громко, на весь двор, как не смеялись лет с девятнадцати, когда в общежитии на Стромынке пили «Монастырскую избу» и строили планы на жизнь, из которых не сбылся ни один, зато сбылось много чего другого.

Из-за перегородки раздалось мужское покашливание.

– Девушки, – сказал низкий недовольный голос. – Можно потише? Тут собака спит.

За матовым пластиком смутно угадывалась высокая фигура, а внизу, у пола, что-то длинное, ушастое и печальное.

– Извините, – сказала Ирина своим рабочим голосом, тем самым, которым она отвечала жильцам про перерасчёт.

Фигура хмыкнула и ушла. Хлопнула балконная дверь.

Тамара медленно повернулась к Ирине. Глаза у неё горели.

– Ира. Ты слышала?

– Что собака спит?

– Он сказал «девушки»! Нам! Девушки!

– Это сосед, Тома. Глеб, кажется. Он здесь полгода живёт. Его собака воет, когда он уходит, а мой кот ходит к нему на лоджию гадить в его кадку с фикусом. У нас с ним дипломатический конфликт уровня ООН.

– Женатый?

– Не знаю. Он со мной разговаривает только про фикус.

– Значит, холостой, – уверенно сказала Тамара. – Женатые про фикусы не разговаривают, у них жёны разговаривают.

«Опубликовать»

Тамара уехала на такси в половине первого, расцеловав Ирину в обе щеки и в лоб и приказав: «Нажми кнопку. Слышишь? Нажми. Иначе я сама зайду с твоего телефона, у меня твой пароль есть». Пароль у неё действительно был: Маркиз2014, и знала его половина редакции.

Ирина помыла посуду. Покормила кота, хотя кот уже ел. Постояла у окна. Взяла телефон.

Анкета висела в черновиках. С фотографии на неё смотрела растрёпанная женщина с ямочкой на щеке, смеющаяся над упавшей салатницей. Женщина выглядела так, будто у неё всё ещё впереди.

«Ты же понимаешь, – сказала Ирина сама себе, – что там одни придурки».

«Понимаю», – ответила она себе же.

«И что ничего хорошего из этого не выйдет».

«Понимаю».

«И что тебе сорок три, у тебя колено и квартальный отчёт».

«Колено, кстати, уже не болит», – заметила она себе и нажала «Опубликовать».

Экран мигнул. Сердечко с вилкой подпрыгнуло. Внизу появилась надпись: «Ирина, 43, Москва. Была в сети только что».

Она легла спать. Маркиз демонстративно улёгся не рядом, а в ногах, спиной к ней, всем видом показывая, что этого не одобряет и в случае чего свидетельствовать будет против.

Проснулась Ирина в семь от того, что телефон на тумбочке вибрировал без остановки, как будто внутри у него была маленькая стиральная машина на отжиме.

Она взяла его, щурясь.

«У вас 86 новых сообщений».

«Вашу анкету посмотрели 412 раз».

«Вам поставили 37 симпатий».

Ирина медленно положила телефон экраном вниз. Так кладут карты, когда пришла слишком хорошая раздача. Или слишком плохая.

В сорок три, как выяснилось, это одно и то же.

Глава 2. Входящие

Первое сообщение пришло от Геннадия, 61 год, в 2:14 ночи. «Привет красавица». Без запятой.

Второе тоже от Геннадия, в 2:16. «Чё молчим».

Третье в 2:40. «Ну и сиди одна старая».

Ирина посмотрела на часы. У Геннадия ушло двадцать шесть минут, чтобы из красавицы сделать её старой, а она всё это время спала и ни в чём не участвовала.

Она села на кровати и пошла дальше по списку, как по ведомости.

Рустам, 38 лет: «Ищю женщину постарше для приятного время провождения. Мама не узнает». Ирина долго думала, чья мама. Его или её. Её мама точно узнает, Галина Петровна узнавала всё, даже то, чего не было.

Виталий, 66 лет. Фотография по пояс, без майки, на фоне ковра. Ковёр был хороший, бордовый, с узором, у её бабушки висел такой же. Про Виталия так сказать было нельзя. Подпись: «Ещё в форме».

Николай, 54 года. Три фотографии. На всех щука. На одной Николай держит щуку, на второй щука лежит на капоте «Нивы», на третьей щука одна, без Николая, крупным планом, с открытой пастью. Видимо, Николай считал, что лучше всего его характеризует именно она. Сообщение: «Добрый день, у вас красивая улыбка, а вы любите рыбалку»

– Я же написала, – сказала Ирина вслух. – Я же специально написала.

Маркиз, лежавший у неё на ногах, приоткрыл один глаз и снова закрыл. Рыбу он одобрял.

Игорь, 49 лет. Стоит на палубе белоснежной яхты, в капитанской фуражке, ветер, Средиземноморье, загар. Если увеличить фото, на заднем плане был виден причал и табличка «Прогулка 1 час 2500 р. с человека». «Привет, морячка. Готова к путешествию на край света?» Край света, судя по табличке, находился где-то в Сочи и заканчивался через шестьдесят минут.

Владимир, 52 года, написал длинно и по делу, как в техзадании. «Ищу хозяйственную женщину до 40 лет без детей и домашних животных, с жильём, без вредных привычек и материальных проблем, для создания семьи. О себе: нормальный мужик». Ирина перечитала два раза. Ей стало интересно, что в Москве называется «нормальный мужик», если ему для семьи нужна молодая, бездетная, обеспеченная женщина с квартирой. По её финансовому опыту такая сделка называлась «купить актив по цене списания».

Анатолий, 57 лет, прислал сообщение на четыре экрана. Первые три экрана были про бывшую жену, которая отсудила дачу в Апрелевке, настроила против него сына и «вообще оказалась змеей». На четвёртом экране Анатолий спрашивал, как у Ирины дела.

И был ещё Андрей, 47 лет, который сфотографировался в машине. Руль, кожаный салон, солнечные очки, рука на руле. На безымянном пальце руки было обручальное кольцо. Андрей его даже не снял. Он, кажется, вообще не понимал, что оно там есть, как люди не замечают свою родинку. «Привет. Я в свободных отношениях. Жена в курсе, но не совсем».

Ирина отложила телефон, пошла на кухню и сварила кофе. Кофе был горький. Жизнь, в общем, тоже.

Редакция

Журнал «Мадам» занимал два этажа бывшей фабрики на Бережковской набережной: кирпич, стекло, бетонные полы и кофемашина за полмиллиона. Ирина три месяца отказывалась её согласовывать, а потом согласовала, потому что без кофе у редакции падала производительность, а это тоже деньги.

Ирина была финансовым директором. В журнале про моду, красоту и «осознанное потребление» она отвечала за то, чтобы потребление было хоть немножко осознанным.

Первой в то утро пришла стилист Кира. Кира приходила раз в месяц, всегда с одним и тем же лицом.

- Ирина Андреевна, мне на съёмку нужно ещё сто восемьдесят тысяч.
- Кира, у вас бюджет на съёмку был двести.
- Был. Но модель хочет живых лебедей.
- Зачем на съёмке пуховиков живые лебеди?
- Это концепция!

Ирина утвердила одного лебедя и восемьдесят тысяч, и Кира ушла, недовольная тем, что спорить больше не о чем. Ирина знала, что Кира всё равно найдёт второго лебедя. Кира всегда находила.

Лариса Викторовна сидела напротив и смотрела в монитор с таким лицом, будто там показывали похороны.

- Ну, – сказала она, не поднимая глаз. – Показывай.
 - Что показывать?
 - Ирина. Тамара мне в шесть утра написала. Сказала, у тебя восемьдесят шесть мужиков.
- Ирина покраснела. Ей было сорок три года, она была финансовым директором и пережила три налоговые проверки, а покраснела, как в восьмом классе.

В обед они закрыли дверь кабинета, заказали салаты, и Лариса Викторовна изучила все восемьдесят шесть. Она листала молча, как изучают меню в дорогом ресторане, куда пришли за чужой счёт. Иногда она увеличивала фото пальцами и говорила одно слово.

- Пьёт, – сказала она про Виталия на фоне ковра.
- Почему?
- Нос.
- Женат, – сказала она про Игоря с яхты.
- Откуда ты знаешь? Там кольца нет.
- Там жены нет. Кто-то же его фотографирует. Капитан сам себя с причала не снимет.

Про Андрея с кольцом она даже ничего не сказала. Просто посмотрела на Ирину поверх очков.

- Лариса Викторовна, а вы сами когда-нибудь на сайте знакомств были?
- Была, – сказала Лариса Викторовна. – В две тысячи девятом году. Познакомилась с подполковником. Подполковник оказался прапорщиком, а потом вообще оказался в розыске.
- И что?
- И ничего. Хороший был мужик. Пельмени лепил.

Реестр

Тамара позвонила в три, когда Ирина сводила бюджет новогоднего номера.

– Ну? Ну?! Ну?!!

– Тома, я на работе.

– Ты всегда на работе. Ты и замуж за Олега выходила на работе, я помню, ты с регистрации поехала отчёт сдавать. Рассказывай.

Ирина рассказала. Про Геннадия, Николая с щукой, нормального мужика Владимира. Тамара слушала и ржала так, что в трубке что-то хрипело.

– Значит так, – сказала Тамара, отсмеявшись. – Записывай. Это классификация, я её за три года на сайте вывела. Мне за неё вообще можно докторскую давать.

– Я не буду записывать.

– Будешь, ты финдиректор, ты не можешь не записывать. Первые – ночные. Пишут после полуночи. Ночью пишут или пьяные, или женатые, потому что жена спит. Бывает два в одном. Вторые – рыбаки. С рыбаками всё понятно, им нужна женщина, которая будет ждать их с рыбалки и чистить рыбу. Третьи – капитаны. Яхта не его, машина не его, костюм напрокат, зато уверенности как у Абрамовича. Четвёртые – хозяйственники. Ищут хозяйку. Ира, это значит домработницу, повара и медсестру без зарплаты, но с пропиской.

– А нормальные?

– Пятые – страдалыцы, – продолжала Тамара, не обратив внимания. – Им бывшая жизнь сломала. Ты с ним на свидание, а там она третья за столом, хоть её и нет. Шестые – мальчики. Мальчику тридцать восемь, он ищет маму. Только с сексом и с ипотекой.

– Тома. А нормальные?

Тамара помолчала.

– Нормальные, Ирка, бывают. Но они там как грибы в октябре. Ходишь, ходишь, одни поганки. А потом раз, белый. Стоит. Главное, не пройти мимо, пока ты на поганки злишься.

После работы Ирина сделала то, что сделал бы на её месте любой нормальный финансовый директор. Она открыла Excel.

Файл назывался «Реестр претендентов». Колонки: имя, возраст, категория по Тамаре, фото (есть/нет/щука), первое сообщение, грамотность по пятибалльной шкале, примечание. Ирина внесла всех восьмидесяти шести. Это заняло два часа и успокоило её лучше любой валерьянки. Мужчины, разложенные по ячейкам, перестали быть страшными. Они стали дебиторской задолженностью.

В графе «Примечание» у Геннадия она написала: «Нетерпелив. 26 минут». У Владимира: «Хочет всё и сразу, предлагает себя». У Андрея с кольцом: «Кольцо!!!» и выделила красной заливкой.

Грамотность выше тройки не получил никто. Пятёрку она не поставила бы даже Пушкину, если бы Пушкин написал «привет красавица» без запятой.

К одиннадцати вечера Ирина приняла решение удалить анкету. Эксперимент окончен, выводы сделаны, Тамаре можно сказать, что она пыталась. Она налила себе чаю с чабрецом и открыла раздел «Настройки», нашла внизу мелкую серую кнопку «Удалить профиль». Мелкую и серую, как всё, что сайт не хотел, чтобы ты нажимал. Она уже занесла палец.

И тут телефон пискнул.

Маяк

Новое сообщение. Сергей, 56 лет, Москва. Без фотографии. Вместо фотографии на аватарке был маяк. Белый с красной полосой, на скале, на фоне серого моря. Похоже, северного, холодного.

Ирина вздохнула и открыла, чтобы сразу записать в реестр. Категория «Без фото», а это, по Тамаре, обычно значило «женатые», «уродливые» или «в розыске», как подполковник Ларисы Викторовны.

«Добрый вечер, Ирина. Я прочитал вашу анкету три раза. Сначала из-за кота. У вас в правом углу фотографии рыжий хвост, и по положению этого хвоста видно, что у какой-то посуды осталось жить полсекунды. Надеюсь, это была не любимая чашка. Потом я перечитал из-за погрешности. Вы написали, что не верите в чудеса, но допускаете погрешность. Я двадцать лет считаю погрешности по работе и впервые вижу, чтобы о ней кто-то говорил с надеждой. Если вам не хочется отвечать человеку без лица, я пойму. Хорошего вечера. Сергей».

Ирина перечитала сообщение. Потом посмотрела на свою фотографию. В правом углу действительно был рыжий хвост, пушистый, торчал вверх трубой. Она его не замечала. Тамара тоже не заметила. А этот заметил.

«Это была салатница, – напечатала она. – С „Мимозой“. Не любимая. Любимую он разбил в 2019 году».

И отправила, хотя не собиралась. Пальцы как-то сами.

Ответ пришёл через минуту.

«Соболезную „Мимозе“. Как зовут убийцу?»

«Маркиз».

«С таким именем ему положено бить фарфор. Ваш кот хотя бы последователен. У меня пёс, его зовут Тузик, и он такой же Тузик, как я Аполлон».

Ирина засмеялась. Одна, на кухне, в одиннадцать вечера. Маркиз посмотрел на неё с подоконника с подозрением.

Они переписывались до половины второго. Про котов и собак, про то, что в Москве в октябре невозможно понять, утро сейчас или уже вечер. Про книги. Сергей читал Довлатова и Чехова, а ещё зачем-то учебник по астрономии для девятого класса, «чтобы понимать, куда смотрю». Ирина сказала, что последней прочитанной ею книгой был Налоговый кодекс, часть вторая. Сергей сказал, что это самый страшный триллер в русской литературе, и Ирина согласилась.

Про себя он почти ничего не писал. Москва, работа «скучная, с цифрами», в разводе давно. На вопрос про фото ответил коротко: «Я пришлю. Не сразу. Дайте мне побыть немного маяком. Маяк хорошо видно издалека, а вблизи он обычная бетонная труба с лампочкой».

В час сорок Ирина легла. Открыла «Реестр претендентов», завела новую строку. Имя: Сергей. Возраст: 56. Фото: маяк. Грамотность: 5. Первое сообщение: про кота.

В графе «Категория по Тамаре» курсор мигал минуты три. Ирина не знала, что туда вписать.

Маркиз пришёл, прошёл прямо по клавиатуре и улёгся ей на руки. В графе «Категория» появилось: «ццццццжжж».

Ирина решила так и оставить.

Глава 3. Лебедь

Утром Ирина проспала. Впервые за одиннадцать лет. Будильник звонил, она его выключила и снова уснула, а проснулась от того, что Маркиз сидел у неё на груди и смотрел в лицо, как смотрит кредитор на должника, который обещал вернуть ещё во вторник.

Было восемь сорок. В девять тридцать у неё стояла планёрка.

Она вскочила, ударилась мизинцем о тумбочку, сказала слово, которое финансовому директору говорить не положено, и только в ванной, с зубной щёткой во рту, вспомнила, почему проспала. Потому что до половины второго переписывалась с маяком.

Ирина посмотрела на себя в зеркало. Женщина в зеркале улыбалась. С зубной щёткой, с пеной на подбородке, с отпечатком подушки на щеке. Улыбалась, как дура.

– Прекрати, – сказала ей Ирина.

Женщина в зеркале не прекратила.

Телефон на стиральной машине пискнул. Ирина схватила его мокрой рукой.

«Доброе утро, Ирина. Тузик сегодня проснулся раньше меня и съел мою перчатку. Левую. Правую оставил, видимо, на обед. Как Маркиз? Не начал ли он новую войну с посудой?»

Ирина прочитала, стоя посреди ванной с щёткой во рту. Потом напечатала одной рукой: «Маркиз разбудил меня в 8:40. Я проспала первый раз за одиннадцать лет. Это вы виноваты».

Ответ пришёл, когда она уже искала второй сапог.

«Признаю вину полностью. Готов понести наказание. Предлагаю штраф в размере одной перчатки. Правой. Левую уже понёс Тузик».

Второй сапог нашёлся под Маркизом. Маркиз отдавать его не хотел.

Концепция

На планёрку Ирина опоздала на четыре минуты. Это было так непохоже на неё, что главный редактор Жанна Аркадьевна прервала себя на полуслове и посмотрела на часы, а потом на Ирину, а потом снова на часы, как будто проверяла, не сломались ли они.

– Ирина Андреевна, у вас всё в порядке?

– Пробки, – сказала Ирина и села.

Лариса Викторовна напротив подняла глаза от блокнота и посмотрела на неё поверх очков. Лариса Викторовна знала, что Ирина живёт на Плющихе и ездит на работу по набережной, где пробок в это время не бывает. Лариса Викторовна вообще знала всё. Но промолчала, только чуть приподняла бровь. От Ларисы Викторовны это было почти как подмигнуть.

Жанне Аркадьевне было пятьдесят два, она выглядела на сорок и говорила, что на тридцать восемь. Журнал «Мадам» она возглавляла девять лет и за это время пережила четыре кризиса, два переезда и одного владельца, который хотел сделать из «Мадам» журнал про рыбалку. Жанна Аркадьевна носила чёрное, пила только воду с лимоном и на всё имела одно мнение, причём своё.

– Продолжим, – сказала она. – Кира, съёмка пуховиков. Где мы?

Кира встала. Кира всегда вставала, когда говорила про концепцию. Сидя концепцию передать было невозможно.

– Мы послезавтра снимаем, – сказала Кира. – «Лебединое озеро». Зимний лес, туман, балерины в пуховиках. И лебеди.

– Лебедь, – поправила Ирина.

– Что?

– Лебедь. Один. Я утвердила одного лебедя.

Кира посмотрела на неё так, как смотрят на человека, который пришёл в Большой театр и попросил убавить музыку.

– Ирина Андреевна. «Лебединое озеро» с одним лебедем – это не «Лебединое озеро». Это лебедь у пруда. Это открытка.

– Кира, это пуховики.

– Пуховики – это повод. А история – это лебеди.

– Сколько?

Кира помолчала, как молчат перед тем, как признаться в аварии.

– Я нашла второго. По бартеру. На ферме под Дмитровом. Там хозяин хочет, чтобы мы его упомянули в выходных данных.

– Лебедя?

– Ферму. Мы пишем «лебеди предоставлены фермой „Тихая заводь“», и он отдаёт второго бесплатно. Только транспорт и смотритель. Смотритель восемь тысяч в день.

Ирина открыла рот, чтобы сказать «нет». Посмотрела на Киру. У Киры было такое лицо, какое бывает у ребёнка, который принёс домой щенка и уже дал ему имя. Ирина знала это лицо. У Сони оно было в восемь лет, когда она принесла Маркиза.

– Восемь тысяч, – сказала Ирина. – И если лебедь что-нибудь сломает, это из вашего гонорара.

– Он ничего не сломает! – Кира просияла. – Это же лебедь. Символ верности. Они вообще очень спокойные.

Лариса Викторовна в блокноте что-то записала. Ирина потом заглянула. Там было написано: «Послезавтра. Лебеди. Спокойные». И три восклицательных знака.

Маяк, второй день

Днём Сергей прислал фотографию. Не свою. Фотографию неба. Чёрного, без единого фонаря, с такой густой россыпью звёзд, что Ирина сначала подумала, что это картинка из интернета.

«Это не я снимал, – написал он. – Это я в архиве нашёл. Так небо выглядит там, где нет города. У вас в Москве сейчас тоже есть звёзды, просто их не видно. Они как налоги: никуда не делись, просто о них не думаешь, пока не придёт письмо».

Ирина ответила, что про налоги она думает всегда, это её работа, а про звёзды не думала с девятого класса, когда у них была астрономия и учительница Римма Павловна, которая путала Венеру с Марсом.

«Это простительно, – написал Сергей. – Их многие путают. Даже сами планеты, мне кажется. Хотите, я вам кое-что покажу? Сегодня ночью, если будет ясно. Выйдите на балкон около одиннадцати и посмотрите на северо-восток. Найдите букву W. Это Кассиопея. Она в Москве видна даже сквозь фонари. Я её всю жизнь ищу первой, где бы ни оказался. Как знакомое лицо на вокзале».

«А где северо-восток?»

«Где у вас утром солнце встаёт?»

Ирина подумала.

«Не знаю. Я утром не смотрю в окно. Я утром смотрю в почту».

«Тогда так. Встаньте лицом к самому яркому зданию в округе и поверните немножко влево. Если увидите W, значит, получилось. Если не увидите, значит, облака. Облака не ваша вина».

Ирина весь день думала про букву W. На совещании по бюджету рекламного отдела она поймала себя на том, что рисует в блокноте W. Одну, другую, третью. Коммерческий директор Пётр Семёнович заглянул ей через плечо, увидел страницу, исписанную буквами W, и спросил осторожно:

– Это вы про «Вог»?

– Да, – сказала Ирина. – Конкурентный анализ.

Пётр Семёнович уважительно кивнул и тоже записал W.

Кассиопея

В одиннадцать Ирина вышла на лоджию. В халате, в куртке поверх халата и в шерстяных носках. Октябрь уже был не такой сырой, как в день рождения. Подморозило. Из рта шёл пар.

Самым ярким зданием в округе была высотка МИДа. Ирина повернулась к ней лицом и немножко влево. Посмотрела вверх.

Небо было рыжее. Московское небо ночью всегда рыжее, как будто где-то за горизонтом горит большой костёр из фонарей, рекламы и окон. Звёзд в нём было штуки четыре. Одна мигала красным и зелёным и двигалась. Это был самолёт.

Ирина постояла пять минут. Замерзла. Маркиз вышел на лоджию за ней, сел на подоконник и тоже посмотрел вверх, с видом человека, который делает это из вежливости.

– Видишь что-нибудь? – спросила она.

Маркиз не видел. Или видел, но не считал нужным сообщать.

За перегородкой было тихо. У соседа свет не горел. Только где-то внизу, во дворе, кто-то выгуливал собаку и говорил ей: «Ну давай уже, ну холодно же».

Ирина уже собралась уходить. Повернулась, взялась за ручку двери. И тут, случайно, краем глаза, над крышей дома напротив, между антенной и трубой, увидела. Пять звёздочек. Тусклых, еле заметных. Зигзагом.

W.

Она замерла. Как будто, если пошевелиться, буква рассыплется.

Потом достала телефон замёрзшими пальцами.

«Я её вижу. Над домом напротив. Между антенной и трубой. Она очень маленькая».

Ответ пришёл сразу. Как будто он тоже стоял где-то с телефоном и ждал.

«Она не маленькая. Она просто далеко. Самая близкая звезда в ней светит нам с вами из такого далека, что свет, который вы сейчас видите, вышел оттуда, когда вас ещё не было на свете. И меня. Вы сейчас смотрите на очень старое письмо, Ирина. И оно дошло».

Ирина стояла на лоджии, в халате и куртке, в шерстяных носках, и смотрела на пять тусклых точек над антенной. Из рта шёл пар. Глаза почему-то защипало. Наверное, от холода.

«Спасибо», – написала она.

«Это ей спасибо. Я только адрес подсказал».

Маркиз спрыгнул с подоконника и ушёл в тепло. Ирина постояла ещё минуту. Потом тоже ушла. Звёзд ведь никто у неё не отнимет, они там будут и завтра. Как налоги.

Лебеди

Через день, в одиннадцать утра на третьем этаже бывшей фабрики, в фотостудии, которую журнал снимал этажом ниже редакции, привезли лебедей.

Ирина узнала об этом в одиннадцать двадцать. Потому что в одиннадцать двадцать один лебедь вошёл в бухгалтерию.

Он вошёл не спеша. Как ревизор. Белый, огромный, с чёрным клювом и оранжевыми лапами, которые шлёпали по бетонному полу с таким звуком, будто кто-то медленно аплодировал. Шея у него была изогнута буквой S, и смотрел он на всех сразу и ни на кого в отдельности.

Бухгалтерия замерла. Бухгалтер по зарплате Наденька залезла на стул. Бухгалтер по расчётам с поставщиками Олеся Игоревна залезла на стол. Стажёр Дима спрятался за кулером.

Лариса Викторовна не залезла никуда. Она сидела за своим столом, в очках, с калькулятором в руке, и смотрела на лебедя так же, как смотрела на всех, кто входил в бухгалтерию без предупреждения: поверх очков, с подозрением, что сейчас будут просить денег.

Лебедь посмотрел на Ларису Викторовну.

Лариса Викторовна посмотрела на лебедя.

– Документы есть? – спросила Лариса Викторовна.

Лебедь зашипел.

– Вот и я так думаю, – сказала Лариса Викторовна и вернулась к калькулятору.

Тут в бухгалтерию ворвалась Кира. Без шарфа, с одной серьгой и с таким лицом, какое бывает у людей, когда они понимают, что концепция пошла не по плану.

– Он ушёл! – закричала Кира. – Смотритель пошёл покурить, дверь открыли, свет выставили, а он ушёл! Ирина Андреевна, он не опасный! Это же символ верности!

– Кира, где второй?

Кира побледнела.

– Как второй? Второй же в студии.

Из коридора донёсся визг. Высокий, пронзительный, совершенно не лебединый. Это был визг главного редактора Жанны Аркадьевны.

Символ верности

Второй лебедь стоял в кабинете главного редактора. На ковре. На светлом, почти белом ковре из натуральной шерсти, который Жанна Аркадьевна привезла из Марракеша и который Ирина в прошлом году отказалась провести по статье «представительские расходы», после чего они две недели не разговаривали.

Жанна Аркадьевна стояла на подоконнике. В чёрном. С сумкой в руках, прижатой к груди, как младенец. Сумка была «Биркин», настоящая, и Ирина знала, сколько она стоит, потому что Жанна Аркадьевна однажды пыталась провести её как «реквизит для съёмки».

Лебедь на ковре расправил крылья. Размах у него оказался почти два метра. Он занимал собой весь кабинет. Он был как белое облако, которое разозлилось.

– Ирина! – закричала Жанна Аркадьевна. – Сделайте что-нибудь!

– Почему я?

– Вы финансовый директор! Это же расходы!

С этим трудно было спорить.

Лебедь сделал шаг к подоконнику. Шея вытянулась, клюв нацелился в сумку. Видимо, «Биркин» напоминала ему кого-то. Соперника. Или еду.

И тут Ирина вспомнила Подольск. Дачу. Лето восемьдесят девятого года, ей шесть лет. У соседки, бабы Дуси, был гусак. Звали его Генерал, и он держал в страхе всю улицу. Он щипал почтальона, щипал председателя садового товарищества, однажды загнал на яблоню участкового. А Иринин папа, который сорок лет молчал и чинил «Москвич», молча подошёл к Генералу, накрыл его своей курткой, взял под мышку и отнёс к бабе Дусе. Генерал под курткой сразу затих. «Птица в темноте успокаивается, – сказал потом папа. – Как человек». Это была самая длинная фраза, которую Ирина от него слышала за всё детство.

Ирина сняла пиджак. Хороший пиджак, «Макс Мара», купленный на распродаже в прошлом январе.

– Ирина Андреевна, не надо! – крикнула из-за двери Кира.

Ирина шагнула вперёд. Лебедь повернул к ней голову. Глаза у него были чёрные, круглые, совершенно бессмысленные и очень злые. Как у Геннадия, 61 год, в 2:40 ночи.

– Тихо, – сказала Ирина тем самым голосом, которым она на собраниях совета дома говорила с жильцами из сорок седьмой, которые не платили за капремонт. – Тихо, я сказала.

И накрыла его пиджаком. Целиком, с головой. Обхватила руками, прижала крылья к телу, как папа Генерала.

Лебедь дёрнулся один раз. Второй. И затих. Под пиджаком он оказался тёплым, тяжёлым и неожиданно мягким. Сердце у него стучало быстро, как у Маркиза, когда его везут к ветеринару.

В кабинете стало тихо. Жанна Аркадьевна на подоконнике медленно опустила сумку.

И в этой тишине раздался щелчок.

В дверях стоял фотограф Гоша. Тот самый, которого привезли снимать балерин в пуховиках. Гоша был с камерой. Гоша, как все хорошие фотографы, сначала снимал, а потом думал.

– Ирина Андреевна, – сказал Гоша восторженно. – Не двигайтесь. Пожалуйста. Свет отличный. Из окна. Вы с лебедем на руках. В блузке. Это вообще!

– Гоша, – сказала Ирина, – если ты сейчас ещё раз нажмёшь, я тебе твой гонорар проведу по статье «прочие».

Гоша нажал ещё четыре раза.

Обложка

Лебедей вернули зрителю. Зритель, небритый мужик в ватнике, пах табаком и рыбой и всё время говорил «а я чего, я ничего, они сами». Он забрал обоих, сунул под мышки, как сумки с картошкой, и ушёл в студию. Лебеди под мышками у зрителя висели тихо. У них с ним тоже были свои договорённости.

Ковёр из Марракеша отдали в химчистку. На ковре осталось то, что лебеди оставляют, когда волнуются. Химчистка выставила счёт на шестнадцать тысяч. Ирина вычла его из Кирино гонорара, как обещала. Кира плакала в туалете, а потом пришла и сказала, что это была лучшая съёмка в её жизни, потому что балерины в пуховиках от стресса сыграли «настоящий ужас перед зимой».

А вечером Гоша прислал фотографии.

Вся бухгалтерия собралась у Иринино монитора. Наденька, Олеся Игоревна, стажёр Дима. Лариса Викторовна тоже подошла, хотя делала вид, что идёт к принтеру.

На фотографии была женщина. В белой блузке, с растрёпанными волосами, у окна. В руках у неё, завернутый в тёмный пиджак, был лебедь. Из пиджака торчала только длинная белая шея, и лебедь положил голову женщине на плечо. Как ребёнок, который устал плакать. А женщина смотрела куда-то в сторону, мимо камеры, и лицо у неё было спокойное, строгое и почему-то очень красивое.

– Это кто? – спросил стажёр Дима.

– Дурак, – сказала Лариса Викторовна. – Это Ирина Андреевна.

Через полчаса в кабинет зашла Жанна Аркадьевна. Без сумки. Посмотрела на фотографию на мониторе. Помолчала.

– Ирина, – сказала она. – Я хочу это на обложку декабрьского номера.

– Нет.

– «Женщина, которая держит удар». Колонка о сильных женщинах. Вы, в блузке, с лебедем.

– Жанна Аркадьевна, я финансовый директор.

– Вот именно, – сказала Жанна Аркадьевна. – Финансовый директор, который держит лебедя. Это же метафора. Это наш читатель. Наш читатель держит лебедя каждый день.

– Наш читатель держит ипотеку, – сказала Ирина. – Нет.

Жанна Аркадьевна вздохнула, но ушла. На пороге обернулась.

– Ковёр, кстати, мне ещё в Марракеше не нравился, – сказала она. – Спасибо, что не дали провести его в расходы. Хоть было не жалко.

Это было самое близкое к извинению, что Ирина слышала от неё за девять лет.

Разбор входящих

На следующий день обед Лариса Викторовна объявила «рабочим совещанием». Закрывает дверь Иринино кабинета, заказала салаты и протянула руку.

– Давай.

– Что давать?

– Телефон. За три дня там новоеросло. Тамара говорит, у тебя уже двести с лишним.

Ирина отдала. Сопротивляться Ларисе Викторовне было бесполезно, как налоговой инспекции.

За три дняросло сто сорок два новых сообщения. Лариса Викторовна листала их молча, накалывая на вилку листья руколы.

– Этот опять, – сказала она про Игоря с яхтой. – «Морячка, почему молчишь? Шторм?» Отвечать не надо. Капитан сам себя утопит, дай время.

– А этот? – Ирина показала на Анатолия.

Анатолий за три дня прислал ещё восемь экранов. Про бывшую жену. Про то, как она отсудила не только дачу в Апрелевке, но и гараж в Нарофоминске, и «Ниву», и, судя по всему, собаку. Собаку было жалче всего. На девятом экране Анатолий спрашивал, почему Ирина молчит, и предполагал, что она «такая же, как все бабы».

Лариса Викторовна дочитала до конца. Отложила вилку.

– Этому ответь, – неожиданно сказала она.

– Зачем?

– Затем, что ему никто не отвечает. Он же не злой. Он просто дурак, которого бросили. Ответь коротко и по делу. Как поставщику, который третий раз присылает акт сверки с ошибкой.

Ирина подумала и напечатала:

«Анатолий, добрый день. Мне очень жаль, что с вами так обошлись. Но я не ваша бывшая жена, и выслушивать её историю мне тяжело. Найдите хорошего психолога. Это вложение окупится. Всего доброго».

Ответ пришёл через две минуты.

«Спасибо. Вы первая за полгода, кто мне ответил по-человечески. Вы правы. Я записался. Собаку, кстати, зовут Пломбир».

Лариса Викторовна прочитала через плечо и кивнула. Одобрительно.

А потом она дошла до сообщения, которое Ирина не видела. Оно пришло ночью с аккаунта Рустама, тридцать восемь лет, «ищу женщину постарше».

«Здравствуйте Ирина. Это мама Рустама Зарема Ахмедовна. Я нашла у него в телефоне ваше фото. Вы не подумайте, он хороший мальчик, только ленивый и в институт не доучился. Скажите сколько вам лет, а то на фото не видно. И можете ли вы ещё детей. И квартира у вас своя или съёмная. Если своя то пишите мне, а не ему, он всё равно ничего не решает».

Ирина прочитала два раза. Потом закрыла лицо руками.

– Ну вот, – сказала Лариса Викторовна удовлетворённо. – А он писал «мама не узнает». Мама всегда узнаёт.

– Что ей ответить?

Лариса Викторовна подумала, поправила очки и сказала:

– Ответь, что квартира своя, детей больше не будет, а лет тебе столько, сколько ему вместе с институтом, который он не доучился. И что ты финансовый директор, а у финансовых директоров не бывает ленивых мальчиков. Бывают только списания.

Ирина ничего такого не ответила. Но заблокировала обоих. И маму, и Рустама. И почувствовала себя так, будто закрыла квартал без единой ошибки.

Объяснительная в Excel

Вечером приехала Тамара. Без звонка, с бутылкой и пакетом из «Азбуки вкуса», в котором были сыр, виноград и почему-то селедка под шубой в пластиковом контейнере.

– Под шубу, – объяснила Тамара. – Я сегодня шубу носила, захотелось.

Она прошла на кухню, разложила еду, налила вина и только потом сказала:

– Рассказывай про маяк. С самого начала. Мне Лариса Викторовна уже всё доложила, но она рассказывает, как будто читает протокол вскрытия. Мне нужны эмоции.

Ирина рассказала. Про перчатку. Про небо без фонарей. Про Кассиопею между антенной и трубой. Тамара слушала, подперев щеку, и, что для неё было крайне необычно, не перебивала. Только когда Ирина дошла до «очень старое письмо, и оно дошло», Тамара сказала:

– Ох. – И налила себе ещё.

Потом помолчала и сказала то, что Ирина больше всего боялась услышать:

– Ира, это очень красиво. Это так красиво, что я боюсь.

– Почему?

– Потому что Арсен тоже говорил красиво. Он мне говорил, что я как Кавказ. Высокая, гордая и в снегу. Я потом выяснила, что жене он говорил то же самое. Слово в слово. Там, видимо, у них на Кавказе один текст на всех.

Ирина хотела сказать, что Сергей не такой. Но не сказала. Потому что не знала.

– Покажи свою объяснительную, – сказала Тамара.

– Какую?

– Ну эту твою. В Экселе. Лариса Викторовна сказала, ты всех мужиков в таблицу занесла, как в ведомость. Покажи. Я хочу видеть, как выглядит моя классификация в официальном документе.

Ирина принесла ноутбук. Открыла «Реестр претендентов». Тамара надела очки, которые носила только тайком и никому не показывала, и стала листать.

Она листала долго и смеялась. На «Кольцо!!!» с красной заливкой захохотала так, что Маркиз ушёл с кухни. На «Нетерпелив. 26 минут» вытерла слёзы. На Владимире с «предлагает себя» сказала: «Ира, ты поэт».

А на Николае, 54 года, остановилась.

– Это который со щукой?

– Да.

– Двойка по грамотности?

– Он написал «а вы любите рыбалку» без вопросительного знака.

Тамара молчала. Смотрела на строчку. На фотографию, где Николай держал щуку, и на ту, где щука лежала на капоте «Нивы».

– А он ничего, – сказала Тамара задумчиво.

– Тома. Он прислал три фотографии щуки.

– Ну и что. Зато видно, что человек ей гордится. Ты знаешь, сколько мужиков за всю мою жизнь гордились хоть чем-нибудь, кроме себя? Двое. И один из них гордился «Мерседесом», а «Мерседес» был тестя.

Она ещё немножко посмотрела на строчку, а потом сняла очки, спрятала их в сумку и сказала уже обычным своим голосом:

– Объяснительная, конечно, у тебя, а не реестр. Объяснительная в Экселе. Тебе за неё в загсе премию дадут. Посмертно.

И налила себе ещё вина. Ирина тогда не обратила внимания, что Тамара ещё раз, будто случайно, пролистала до Николая и что-то быстро сфотографировала на телефон. Подумала, что Тома снимает для смеха, чтобы потом показать девочкам в салоне.

Потом это ей вспомнится.

Старые песни

Тамара уехала в одиннадцать. Ирина мыла посуду и думала о том, что Тамара сказала про Арсена. Про один текст на всех. Она вытерла руки, взяла телефон и, сама себе удивляясь, сделала то, что сделала бы на её месте Соня. Скопировала кусок из первого письма Сергея, про погрешность, и вставила в поисковик.

Поисковик ничего не нашёл. Ни одного совпадения. Этот текст был написан один раз. Для неё.

Ирине стало стыдно. И сразу легко. Как будто она проверила чужой кошелёк, ничего там не нашла и теперь не знала, куда девать руки.

Сергей был в сети. Она написала ему, просто чтобы написать:

«Что вы сейчас делаете?»

«Слушаю музыку. Тузик спит у меня на ноге, нога затекла, но я не шевелюсь, потому что он только уснул».

«Какую музыку?»

Три точки. Пауза. Потом:

«Вы будете смеяться».

«Не буду».

«Будете. Я люблю старые песни. Такие, которые сейчас никто не слушает. Там певец не кричит, а рассказывает. Как будто сидит напротив тебя на кухне и рассказывает, что у него случилось. Сейчас все поют так, будто у них что-то болит, но они не скажут что. А тогда пели, будто болит, и сразу говорили что. Это честнее».

Ирина не засмеялась. Она вспомнила папу. Папа по воскресеньям, починив очередную деталь от «Москвича», садился на кухне, включал маленький приёмник «Альпинист» и слушал «Радио Ретро». И молчал. Но по лицу было видно, что в эту минуту ему хорошо. Наверное, ему тоже нравилось, что там рассказывают, а не кричат. Сам он рассказывать не умел.

«Мой папа такие любил, – написала она. – Он вообще ничего не говорил, а под эти песни молчал как-то по-другому».

«Значит, он понимал, – ответил Сергей. – Есть люди, которые молчат, потому что им нечего сказать. А есть, которые молчат, потому что всё уже сказано в песне. Второе лучше. Только с такими людьми трудно жить. Им всё кажется, что все и так всё понимают».

Ирина долго смотрела на это сообщение. Ей вдруг очень захотелось спросить, откуда он это знает. Про себя он так говорит или про кого-то? Но она не спросила.

Они переписывались ещё час. Про то, что Ирина ненавидит обои в прихожей, которые выбирал Олег, а Сергей ненавидит кинзу, «но это длинная история, связанная с одной грузинской свадьбой». Про то, что в доме у Ирины опять подняли тарифы за вывоз мусора, и она как председатель совета дома весь вечер отвечала жильцам в чате. Сергей посочувствовал и даже ругнул правительство. Коротко, но с чувством: «Они там наверху, видимо, думают, что мусор у нас золотой. Раз такие деньги за вывоз». Ирина засмеялась. Олег за двадцать лет ни разу не ругнул правительство. Он вообще ни о чём не имел мнения, кроме футбола и того, что сосед Петрович неправильно поставил баню.

В половине первого Сергей написал:

«Тузик проснулся и требует выйти. Пойду. Нога, кстати, так и не проснулась, так что пойдём втроём: я, Тузик и нога отдельно. Спокойной ночи, финансовый директор».

«Спокойной ночи, маяк».

Шестой день

Шесть дней. Ирина посчитала. Шесть дней они переписывались каждый вечер. Иногда утром. Иногда днём, коротко, между совещаниями: «Как вы?» – «Сдаю отчёт. А вы?» – «Тузик съел вторую перчатку. Теперь штраф платить нечем».

За шесть дней Ирина узнала про Сергея следующее. Что он живёт в Москве. Что у него старый пёс, который ест перчатки. Что он любит старые песни, не любит фикус и читает учебник астрономии для девятого класса. Что он умеет найти Кассиопею из любой точки земного шара. Что он двадцать лет считает погрешности, давно в разводе и ругает правительство за мусор.

И всё.

Ни лица, ни голоса, ни фамилии. Ни где работает. Ни сколько у него детей, если они есть. Ни какого цвета у него глаза.

Ирина открыла реестр. Строка «Сергей». В графе «Категория» по-прежнему стояло «щщщщжжж». Она подумала, не исправить ли. На что? Ни одна из Тамариных категорий не подходила. Ни ночные, ни рыбаки, ни капитаны, ни хозяйственники. Не страдалец, страдальцы пишут про бывших по четыре экрана. И не мальчик, мальчики спрашивают про квартиру. Через маму.

Она оставила «щщщщжжж». Маркиз, когда писал это, понимал больше, чем она.

На шестой вечер, когда Ирина сидела на кухне с чаем с чабрецом и перечитывала их переписку с самого начала, как перечитывают хорошую книгу, позвонила Тамара. По голосу было слышно, что Тамара что-то задумала.

– Ира, – сказала Тамара. – Ты где?

– Дома.

– С маяком?

– С чаем.

– Я так и знала, – сказала Тамара. – Нам надо серьёзно поговорить. Про твою личную жизнь, которая у тебя сейчас в телефоне и больше нигде.

– Тома, у меня всё хорошо.

– У тебя всё хорошо в телефоне, – сказала Тамара. – А жизнь, Ира, она не в телефоне. Она в кофейнях. В ресторанах. На скамейках в парке. Где живые мужики с живыми руками. Короче, я тебе кое-кого нашла.

И положила трубку, прежде чем Ирина успела сказать «нет».

Маркиз сидел на подоконнике и смотрел на тёмное окно соседа. У соседа на лоджии было темно. Только внизу, у пола, за матовой перегородкой, что-то длинное и печальное вздохнуло во сне.

Глава 4. Валерий, 58, без вредных привычек

- Ты с ума сошла, – сказала Тамара. – Ты неделю переписываешься с маяком.
- Не неделю. Шесть дней.
- Ира, шесть дней это у мух вся жизнь. Он тебе фото прислал?
- Нет. Сказал, пришлёт.
- Голосовое?
- Нет.
- Видео?
- Тома, ну что ты как следователь.
- Я не следователь, я три раза разведённая. Это хуже. Значит так. Пока твой маяк светит, ты ходишь по земле. Ты идёшь на нормальное живое свидание с нормальным живым мужиком. Чтобы не разучиться. Как в спортзал.
- Я не хожу в спортзал.
- Вот видишь. И на свидания не ходишь. Всё взаимосвязано.
- Так в Ирининой жизни появился Валерий.

Валерий, 58 лет, инженер-теплотехник на пенсии, «активный, без вредных привычек, люблю природу, дачу и хорошую компанию». На фотографии он стоял на фоне берёзы в спортивной куртке и выглядел крепким, бодрым, с хорошими зубами. Писал он грамотно, хоть и коротко, а главное, сразу предложил встретиться, без месячной переписки. Тамара сказала: «Берём. Берёзка, куртка, зубы. Классика». Ирина внесла Валерия в реестр, поставила в графе «Категория» знак вопроса и согласилась на субботу.

Маяку она про это не написала. Сама не поняла почему. Они же ничего друг другу не обещали.

Подготовка

В субботу утром выяснилось, что надеть нечего. Это была неправда: шкаф был забит, половина вещей висела с бирками. Но всё в нём было либо «на совет директоров», либо «на дачу к маме», либо «для Олега». Вещи «для Олега» Ирина за три года так и не выбросила. Они висели в дальнем углу, как бывшие сотрудники, которых жалко увольнять.

Она выбрала синее платье. Потом сняла, потому что в нём она выглядела как на родительском собрании. Надела джинсы и блузку. Сняла, потому что в джинсах был виден живот, а в блузке спина. Надела обратно синее платье, но с шарфиком. В шарфике она стала похожа на стюардессу «Аэрофлота» на пенсии. Сняла шарфик.

Маркиз лежал на кровати поверх отвергнутой одежды и смотрел с глубоким презрением.

– Ты бы вообще молчал, – сказала ему Ирина. – Ты кастрирован.

С косметикой было ещё смешнее. На работу Ирина красилась за семь минут, не глядя в зеркало. На свидание она красилась сорок минут, дважды всё смывала и в итоге накрасилась ровно так же, как на работу. Только помаду взяла на тон ярче. Для храбрости.

Встреча

Встретились в кофейне у метро «Бабушкинская». Ирина пришла на пять минут раньше, как приходила всегда и везде, даже к зубному. Валерий опоздал на семнадцать.

Она узнала его не сразу. Человек в дверях был похож на Валерия с фотографии примерно так, как пенсионер похож на свою фотографию из военного билета. Берёзовый Валерий был лет на двенадцать моложе. Живой Валерий был в той же спортивной куртке, но куртка с тех пор как-то устала. И он сам тоже.

В руке у него была гвоздика. Одна. Красная. На длинной ножке, обёрнутая в целлофан.

– Ирина? – Валерий вручил ей гвоздику, как вручают грамоту. – Это вам.

– Спасибо, – сказала Ирина и подумала, что с одной красной гвоздикой она раньше видела только людей у Вечного огня.

Валерий сел, снял куртку, повесил её на спинку стула, долго поправлял. Потом посмотрел в меню и сказал:

– Цены у них, конечно. Двести девяносто за чай. Это пакетик в кипятке. Я дома такой пью, у меня пачка сто штук за сто девяносто рублей.

Он заказал себе чай. Потом посмотрел на Ирину.

– А вы будете что-нибудь? Нет? Правильно, на ночь вредно.

Было четыре часа дня. Ирина заказала капучино сама, громко, глядя официантке в глаза.

Беседа

Первые сорок минут Валерий рассказывал про бывшую жену. Бывшую жену звали Людмила. Людмила была хорошая женщина, но себе на уме. Людмила не понимала дачу. Людмила хотела в Турцию, а на даче в тот год как раз надо было перекрывать крышу. Людмила ушла, но потом вернулась, потом опять ушла к какому-то Эдику из Мытищ. У Эдика, как подчеркнул Валерий, «ничего своего нет, даже машина на брате». Ирина узнала про Людмилу больше, чем про собственную двоюродную сестру. Она узнала размер её обуви, её давление, её отношения с тёщей Валерия и как она варила борщ. Борщ, по мнению Валерия, Людмила варила неправильно, со сладким перцем.

На сорок первой минуте Валерий сказал:

– Ну а вы? Расскажите о себе.

Ирина открыла рот.

– Я вот тоже, знаете, сладкий перец в борщ не кладу, – сказал Валерий. – Вредно для поджелудочной. У меня, кстати, поджелудочная.

Дальше были поджелудочная, давление, сустав в правом колене, «простата, но это между нами», а потом, ближе к концу часа, Валерий полез во внутренний карман куртки и достал тонометр.

Настоящий. Автоматический. С манжетой.

– Вы не против? – спросил он. – У меня в это время замер. Врач сказал, надо в одно и то же время.

И прямо за столиком, в кофейне у «Бабушкинской», между её капучино и его пакетиком за двести девяносто, Валерий закатал рукав, надел манжету и нажал кнопку. Тонometr зажужжал. Пара за соседним столиком перестала разговаривать. Официантка остановилась с подносом.

– Сто сорок пять на девяносто, – объявил Валерий на всю кофейню. – Это я перенервничал. Всё-таки свидание.

Ирине стало его жалко. По-настоящему, без иронии. Она подумала, что он, наверное, тоже очень одинокий, раз так волнуется, и что манжета у него старая, перемотанная изолентой, и что дома у него, наверное, никто никогда не спрашивает, какое давление.

Жалость продержалась до счёта.

Счёт

Счёт принесли на одной бумажке. Валерий взял его, надел очки, долго изучал. Потом достал телефон и включил калькулятор.

– Значит, мой чай двести девяносто, – сказал он. – Ваш капучино триста сорок. И ещё вот тут сервисный сбор, десять процентов. Это, получается, я вам двадцать девять рублей, а вы мне тридцать четыре. Нет, подождите. Сбор же на общий счёт.

Он считал минут пять. Ирина, финансовый директор с двадцатилетним стажем, сидела и молча смотрела, как пенсионер-теплотехник делит десять процентов от шестисот тридцати рублей. Она могла бы сделать это в уме за полсекунды. Но ей было интересно, чем кончится.

– С вас триста семьдесят четыре, – сказал наконец Валерий. – У нас же равноправие. Вы, женщины, сами этого хотели.

Ирина положила на стол четыреста. Сдачу оставила официантке. Валерий посмотрел на это с явным неодобрением. Как на Людмилу, которая хотела в Турцию.

На улице Валерий спросил:

– Вы на машине? А то я думал, подвезёте.

– Нет, – не моргнув, соврала Ирина.

– Жалко. Мне до Мытищ.

Ирина не стала уточнять, что в Мытищах, вообще-то, живёт Эдик. Но Валерий, видимо, подумал о том же, потому что вздохнул и сказал:

– Ирина, а вы не могли бы мне занять три тысячи до понедельника? Пенсия в понедельник. А мне в аптеку.

Она дала. Сама не поняла, зачем. Наверное, из-за изоленды на манжете.

У метро Валерий вдруг взял её за плечи и потянулся с поцелуем. Ирина увернулась. Получилось ловко, как в молодости на дискотеке в ДК «Энергетик». Валерий поцеловал воздух и её шарфик. Шарфик был тот самый, от которого она утром отказалась, а потом всё-таки сунула в сумку и надела, потому что продуло.

– Я позвоню, – сказал Валерий.

– Не надо, – сказала Ирина.

– Почему?

– У меня давление, – сказала Ирина и пошла к парковке, где ждала её машина.

Лифт

Дома, в подъезде, она вошла в лифт вместе с соседом. С тем самым Глебом из-за перегородки. И с его собакой.

Собака оказалась бассет-хаундом. Длинным, низким, с ушами до пола и глазами, полными вселенской скорби. Скорбь у неё была на лице такая, будто она лично знала Валерия.

Глеб был высокий, лет пятидесяти, с короткой седой стрижкой, в старой кожаной куртке. Он кивнул ей так сухо, будто она ему что-то должна по квитанции. Ирина кивнула так же. Двери закрылись. Лифт, как всегда на седьмом этаже, издал протяжный звук, похожий на вой. Жильцы называли это «лифт поёт», и Ирина как председатель совета дома знала, что починить его обещают с позапрошлой весны.

Собака понюхала гвоздику в Ириной руке и печально чихнула.

– Туз, фу, – сказал Глеб.

Потом посмотрел на гвоздику. Потом на Ирину.

– На похороны ходили?

– На свидание.

– А, – сказал Глеб. Подумал. – Ну, бывает.

Двери открылись на восьмом. Он вышел первым, пропуская собаку, и, уже стоя спиной, сказал:

– Ваш кот опять у меня в фикусе был. Третий раз за неделю.

– Я поговорю с ним, – сказала Ирина.

Глеб обернулся и посмотрел на неё внимательно, будто проверял, не издевается ли она. Ирина не издевалась. Она правда собиралась поговорить с Маркизом. Толку от этого не было, но она собиралась.

У Глеба дрогнул угол рта, совсем чуть-чуть. Потом он отпер дверь и ушёл.

Вечер

Вечером Ирина поставила гвоздику в стакан. Вазы для одной гвоздики у неё не нашлось, все вазы были под букеты, которые когда-то дарил Олег. Олег дарил помпезно, по три десятка роз, с лентами. Потом выяснилось, что в те же дни он покупал такие же своей нутрициологине. Видимо, по оптовой цене.

Она открыла реестр. В строке Валерия, в графе «Примечание», написала: «Тонометр. Изолента. Должен 3000». Подумала и дописала: «Не вернёт».

Потом открыла переписку с Сергеем. Там было новое сообщение, двухчасовой давности.

«Ирина, у вас сегодня тихо. Надеюсь, всё хорошо. Мы с Тузиком ходили в парк, он нашёл там чей-то бутерброд и был счастлив так, как я давно не был. Я ему завидую».

Ирина долго смотрела на экран. Потом написала. Всё. Про кофейню, про гвоздику, про Людмилу и её борщ со сладким перцем, про тонометр с изолентой и про триста семьдесят четыре рубля. Писала минут двадцать. Получилось длинно, как у Анатолия про дачу в Апрелевке, и она испугалась, что Сергей сейчас подумает, что она тоже страдала. Но отправила.

Ответ пришёл через пять минут.

«Я смеялся так, что Тузик ушёл в другую комнату. А потом перестал смеяться. Потому что вы ему дали три тысячи, хотя всё понимали. Ирина, вы очень хороший человек. Это, наверное, неудобно. Мне это знакомо».

И следом ещё одно:

«И да. Я не обижаюсь, что вы ходили на свидание. Мы с вами пока только маяк и финансовый директор. Сходите ещё. А потом расскажете мне. Мне нравится, как вы рассказываете».

Ирина положила телефон рядом. За окном было темно, у Глеба на лоджии горела жёлтая лампа. Слышно было, как он там говорит что-то собаке, негромко, неразборчиво.

Маркиз сидел на подоконнике и смотрел туда же.

— Даже не думай, — сказала ему Ирина. — Там фикус.

Маркиз подумал и пошёл.

Глава 5. Комиссия по делам Ирины

В воскресенье в квартире на восьмом этаже собралась комиссия. Никто её не созывал. Она самособралась, как плесень в хлебнице.

Первой в десять утра приехала мама. Галина Петровна приехала из Подольска на электричке с двумя сумками. В одной были пирожки с капустой, в другой пирожки с картошкой и банка огурцов, которую она везла, как везут святыню. Она приезжала раз в месяц «проверить, как ты тут», и проверка всегда начиналась с холодильника.

- Это что? – Галина Петровна держала двумя пальцами упаковку хумуса.
- Хумус, мам.
- Это из чего?
- Из нута.
- Из чего?
- Горох такой. Турецкий.

Галина Петровна понюхала и поставила обратно с лицом человека, которому подсунули взятку.

– Олег тебя на это подсадил. Со своей нутриционисткой.

В половине двенадцатого приехала Соня. С кольцевой лампой, штативом и выражением человека, у которого есть план. Соня работала SMM-менеджером в агентстве и вела аккаунты трёх стоматологий, одного барбершопа и депутата районного собрания. Мамину анкету она увидела в пятницу, когда Тамара прислала ей скриншот с подписью «посмотри, какая у тебя мать красотка». Соня посмотрела и ужаснулась.

– Мам. Ну кто так фоткается. Тут свет снизу. Ты как на допросе.

– Это Тамара снимала.

– Тётя Тома снимает так, как будто ты её бывший муж. Сегодня делаем нормальную съёмку.

Когда приехала Тамара с бутылкой просекко «для настроения», комиссия была в полном составе.

Заседание

Заседали на кухне. Галина Петровна разложила пирожки. Тамара разлила просекко. Соня поставила лампу на холодильник, и кухня стала похожа на операционную. Маркиз ушёл под ванну, потому что у Галины Петровны с ним были свои счёты. Двенадцать лет назад, ещё котёнком, он описал ей сапоги, и с тех пор они друг другу не доверяли.

Ирину посадили в центр.

– Значит, сайт, – сказала Галина Петровна. Она узнала про сайт десять минут назад, от Сони, и всё ещё переваривала. – Знакомств.

– Мам.

– Нет, я ничего не говорю. Я только говорю, что в наше время мужчину искали по-человечески.

– Это как?

– На работе. Или на танцах. Или соседки знакомили.

– Мама, ты с папой познакомилась в очереди за колбасой.

– Ну! Живой человек был! Видно было, что за колбасой стоит, значит, хозяйственный. А тут что? Картинки. Может, он там на картинке красивый, а сам за колбасой ни разу не стоял.

Тамара подняла бокал.

– Галина Петровна, сейчас за колбасой не стоят. Её доставляют.

– Вот поэтому и мужики такие, – сказала Галина Петровна, и с этим никто не смог поспорить.

Потом Ирину заставили показать переписку. Всю. Ирина сопротивлялась, но против трёх женщин её семьи и окрестностей у неё не было шансов. Через десять минут телефон пошёл по кругу, как рюмка на поминках.

Галина Петровна читала медленно, шевеля губами, в очках, отодвинув телефон на вытянутую руку.

– Этот хороший, – сказала она про Николая со щукой. – Рыбу ловит. Значит, не пьёт.

– Мама, рыбаки как раз пьют.

– Твой отец тоже рыбу ловил!

– И пил, мам.

– Но умеренно!

Про Валерия с тонометром Галина Петровна сказала:

– А что, нормальный мужчина. За здоровьем следит. Ты зря.

– Мама, он мерил давление прямо в кафе!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.